

Герман Роман Эдуардович

ИСТОРИЯ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ НАЦИИ: АНАЛИЗ ЭТНОКОНСТРУКТИВИСТСКИХ ТЕОРИЙ

В статье проведен сравнительный анализ теорий этнического конструктивизма с точки зрения использования интерпретаций исторического прошлого для создания нации. Основное внимание автором уделено теоретическому анализу политической сущности интерпретаций исторического прошлого в целях нациестроительства, сакрально-идеологической сущности истории как необходимого компонента создания национального государства в контексте эпистемологической парадигмы этноконструктивизма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/7-1/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 43-50. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 323.2

В статье проведен сравнительный анализ теорий этнического конструктивизма с точки зрения использования интерпретаций исторического прошлого для создания нации. Основное внимание автором уделено теоретическому анализу политической сущности интерпретаций исторического прошлого в целях нациестроительства, сакрально-идеологической сущности истории как необходимого компонента создания национального государства в контексте эпистемологической парадигмы этноконструктивизма.

Ключевые слова и фразы: исторического прошлое; интерпретация истории в политических целях; этноконструктивизм; создание нации; историческая память; история как компонент национального самосознания.

Роман Эдуардович Герман, к.и.н., доцент

Кафедра менеджмента и административного права

Российский государственный социальный университет (филиал) в г. Ставрополе

romger@mail.ru

ИСТОРИЯ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ НАЦИИ: АНАЛИЗ ЭТНОКОНСТРУКТИВИСТСКИХ ТЕОРИЙ®

Идея политизации истории, использования истории в политических целях не является новой. Потребность в историописании возникает на ранних этапах развития государственности и сразу приобретает определенный политический подтекст. Исторические сочинения выполняли, помимо повествовательно-когнитивной, такие функции как идеологическая, социализирующая, легитимирующая, мобилизующая.

Ряд работ, посвященных феноменам нации и национализма, содержит мысль об использовании интерпретаций исторического прошлого для конструирования нации.

Идея о том, что история является важнейшим средством создания нации, встречается в работе Эрнеста Ренана «Что такое нация?» [13], написанной в 1882 г. «Историческое заблуждение» [Там же, с. 92], т.е. некий исторический миф, описывающий процесс создания нации, по мысли Ренана, является одним из компонентов нациеобразования. История, как нациеобразующий компонент – это не только память, но и забвение: «Ни один француз не знает, бургунд он, алан или вестгот; всякий гражданин Франции должен забыть Варфоломеевскую ночь, убийства на Юге в XIII веке» [Там же].

Как утверждает Э. Ренан, нация основывается на духовном принципе, который состоит из двух частей – «одна в прошлом, другая – в будущем». Под прошлым понимается «общее обладание богатым наследием воспоминаний». Культ предков создает нацию, как утверждает Ренан. Героическое прошлое, великие люди, истинная слава – вот компоненты национальной идеи. Для того чтобы быть народом, нужно иметь общую славу в прошлом [Там же, с. 100]. Также нацию формируют и скрепляют общие жертвы и страдания, пережитые в прошлом, формируют и скрепляют даже в большей степени, чем общие триумфы.

Как мы видим, в теории Ренана прошлое, выраженное в нескольких духовно-идеологических конструкциях (культ предков, героическое прошлое, общая слава и общие страдания), является важнейшим компонентом формирования нации.

Нация предстает как «категория историческая по преимуществу, конкретно-историческая» в работе Н. Бердяева «Философия неравенства». Русский философ утверждает, что единство исторической судьбы и, самое важное для нас, осознание этого единства создают нацию. «Наиболее правы те, которые определяют нацию как единство исторической судьбы. Сознание этого единства и есть национальное сознание» [4, с. 260].

Размышляя о феномене «воли нации», Н. Бердяев обращает внимание на роль свидетельств прошлого, которые формируют эту волю: «В воле нации говорят не только живые, но и умершие, говорит великое прошлое и загадочное ещё будущее. В нацию входят не только человеческие поколения, но также камни церквей, дворцов и усадеб, могильные плиты, старые рукописи и книги. И чтобы уловить волю нации, нужно услышать эти камни, прочесть истлевшие страницы» [Там же, с. 281].

Писатель и публицист Джордж Оруэлл также не обошел вниманием вопрос использования истории в националистических целях. Именно перу Оруэлла принадлежит фраза «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим. Тот, кто управляет настоящим, управляет прошлым».

Рассматривая особенности мышления националиста, Оруэлл подчеркивает, что националист историю, в особенности современную историю, «видит как беспрестанное возвышение или упадок каких-то могущественных сообществ, и всякое событие представляется ему доказательством того, что его сторона на подъеме, а какой-то ненавистный противник катится под уклон» [12, с. 214]. Индивид, мыслящий в рамках националистических категорий, воспринимает историю как набор доказательств собственной правоты.

Дж. Оруэлл утверждает, что одной из характерных черт националистического мышления является «безразличие к реальности». Аргументируя свою точку зрения, публицист говорит, что «историю часто оценивают с националистических позиций». Трагические исторические события лишаются какой-либо моральной оценки, если они служили «правому делу» [Там же, с. 220]. Критерии «правоты» в данном случае избираются, очевидно, самим националистом.

По мысли националиста, «прошлое можно изменить», он живет с этим убеждением. В исторических сочинениях, написанных с националистических позиций, «факты утаиваются, даты изменяются, цитаты изымаются из контекста и препарируются так, что меняют смысл. События, которым не надо было бы произойти, не упоминаются и, в конечном счете, отрицаются» [Там же, с. 221].

Националистические воззрения, как отмечает Оруэлл, оказывают серьезное воздействие на интеллектуальную картину мира их носителя: «Стоит задеть националистический нерв, и куда-то деваются интеллектуальные приличия, меняется прошлое, отрицаются самые очевидные факты» [Там же, с. 224]. Как можно заключить из анализируемого произведения Оруэлла, национализм, националистические настроения оказывают непосредственное влияние на исторические представления людей, на создание исторического нарратива, и далеко не всегда это влияние содействует установлению исторической истины.

Позднее идея интерпретации прошлого и истории как необходимых компонентов процесса нациеобразования находит отражение в целом ряде сочинений исследователей-этноконструктивистов, т.е. тех, кто считает нацию продуктом сознательного и целенаправленного конструирования, в том числе и при помощи истории.

Так, Эрнест Геллнер, в работе «Нации и национализм», рассуждая о природе национализма, утверждает, что нации – это продукт человеческих убеждений. «Именно национализм порождает нации, а не наоборот» [8, с. 163]. В процессе формирования национализма мертвые языки могут быть возрождены (как знаковые системы прошлого), а традиции (как компоненты культуры прошлого) изобретены. В данном случае подлинность традиций не играет существенной роли, главное – их функциональный смысл как компонентов культуры, интегрирующих нацию. Вот почему речь здесь идет об их изобретении.

Прошлое, исходя из предположений Э. Геллнера, интерпретируется в соответствии с запросами, условиями и потребностями современности. Манипулируют прошлым элиты с целью конструирования или поддержания национальной или политической идентичности. Особенно активно интерпретации прошлого используются в периоды кризисов и реформ, когда возникает необходимость в интеграции общества [21, р. 115]. Но конструирование истории необходимо и в повседневной жизни, для поддержки национальных и гражданских чувств. С помощью манипуляций исторические события объединяются в единый проект, который определяет взаимосвязь и политический смысл произошедших в прошлом событий [16, с. 60]. В ходе конструирования проекта сами исторические факты используются достаточно вольно: одни могут изыматься, другие – пересматриваться, меняя политическую семантику, третьи – изобретаться.

По версии Э. Геллнера, национализм на стадии становления выработал легенду, что он «защищает и отстаивает народную деревенскую культуру» [9, с. 131] (то есть культуру, укорененную в прошлом), заимствуя «темы из местного фольклора». Для формирования национализма нужен «брачный союз государства и культуры» [Там же, с. 131-132, 143], причем культура обязательно включает в себя элементы интерпретации прошлого, которые используются государством в целях интеграции нации.

Эрик Хобсбаум в своих работах также отмечает роль интерпретации исторического прошлого в процессе нациеобразования. Так, в процессе формирования нации гражданам страны приходится находить в историческом прошлом то, что их объединяет: «обычаи, выдающиеся личности, воспоминания, места, знаки и образы» [17, с. 144]. Таким образом, «историческое наследие отдельных частей, регионов и провинций» сплавляется в «единую общенациональную традицию» [Там же]. Сплавление это «настолько прочно, что даже прежние их конфликты превращались в символ примирения, достигнутого на более высоком и всеохватывающем уровне» [Там же]. В качестве примера такого примирения Хобсбаум приводит Шотландию, вошедшую в состав Великобритании после длительного сопротивления.

Анализируя роль профессиональных историков в контексте формирования национализма, Э. Хобсбаум подчеркивает – историки обеспечивают национализм интеллектуальным сырьем. Нация не может существовать без прошлого, и именно прошлое создает нацию, «а историки – это люди, которые “производят” это прошлое» [18, с. 332].

Технология использования исторического прошлого для реализации текущих политических целей, а именно построения нации, раскрывается Э. Хобсбаумом через понятие «изобретение традиции». Именно традиции являются проводником между прошлым и настоящим. Хобсбаум указывает, что то, что мы привыкли считать древней традицией, зачастую может оказаться недавно возникшим порядком или искусственным изобретением. Цель изобретения традиций – привитие определенных ценностей и норм поведения путем повторения, что автоматически подразумевает преемственность с прошлым [23, р. 1]. Национальным государствам, возникавшим в Европе в эпоху Нового времени, требовались ориентиры, которые они находили в историческом прошлом. Поэтому традиции приходилось изобретать.

Особенность «изобретенной» традиции в том, что преемственность с историческим прошлым во многом искусственная. Изобретенные традиции представляют собой реакцию на новые ситуации, для чего используется ссылка на ситуации, уже имевшие место в истории [Ibidem, р. 2]. Внедрение изобретенной традиции в массовую практику происходит путем формализации и ритуализации, обязательных повторений и отсылки к прошлому. Для этого используются праздники, преподавание по новым школьным учебникам, спортивные состязания, поиск новых героев и символов, что способствует возникновению новых форм архитектуры и возведению памятников [Ibidem, р. 2-3]. События прошлого благодаря изобретенной традиции оказываются частью повседневной практики настоящего.

В более поздней работе «В защиту истории» Э. Хобсбаум обращает внимание на политический потенциал истории и открыто ставит вопрос о том, что пришло время «оформить коалицию тех, кто видит историю как рациональное исследование хода трансформаций человечества, против тех, кто искажает ее в угоду политическим интересам» [22, р. 5].

Бенедикт Андерсон, раскрывая культурные корни национализма, обращает внимание на то, что наиболее прочной основой национального чувства является опора на героизированное прошлое: «У современной культуры национализма нет более захватывающих символов, чем монументы и могилы Неизвестного солдата» [1, с. 31]. Памятники героическому прошлому народа, имеющие символический (поскольку в них нет реальных останков павших) и анонимный (поскольку солдат неизвестный) характер, «наполнены призраками национального воображения» [Там же].

Памятники выдающимся личностям прошлого, по мнению Б. Андерсона, играют особую роль в формировании и структурировании политико-символического пространства. Мемориал А. Линкольна в Вашингтоне назван создателями «храмом». Данное мемориальное сооружение сочетает «подражание древнегреческим храмам» и «имитацию убранства и игры теней средневековой церкви». Если, как предлагает Андерсон, представить историю в виде эстафеты, «то именно здесь нация забирает эстафетную палочку из обессиленной руки религии» [2, с. 73-74]. Апелляция к историческому прошлому (в том числе и при помощи устройства монументов) создает сакрально-идеологическую основу для национализма, подменяя тем самым религиозные доктрины. Отличие монумента от храма заключается в том, что увековечиваются не «мощи Линкольна», как если бы он был святым, а память о нем, призрачная и бесконечно копируемая [Там же, с. 74]. Именно эта общая копируемая и мемориализованная память становится основой для формирования нации.

Сходную функцию выполняют мемориальные кладбища, созданные Великобританией в Европе на местах сражений Первой мировой войны. На этих кладбищах погребены британские солдаты, погибшие на европейском театре военных действий. Британским новшеством было обеспечение ухода за этими мемориальными кладбищами. Могилы павших оказались «национализированы» во всех смыслах этого слова. Родственникам было запрещено перевозить останки погибших на Родину. Могилы и надгробия должны были быть единообразными и располагаться по «четкой пространственной сетке» [Там же, с. 77-79]. Все социальные и прочие различия павших тем самым нивелировались. Такого рода воинские кладбища – образец мемориализации памяти не отдельных выдающихся личностей, а больших масс людей, что также является примером закрепления сакрального в прошлом и является одним из оснований национальных чувств. Таким образом, по мнению Б. Андерсона, творцами нации становятся люди с их общими памятьями о прошлом, которое и создает национальное «мы».

Далеко не последнюю роль в росте национально-освободительных движений после Второй мировой войны, по мнению Андерсона, сыграло распространение через систему образования в колониальных странах, а конкретнее – через учебники истории, «через лекционные залы и школьные аудитории» сюжетов национальной истории метрополий, связанных с борьбой за свободу, свои права, национальную независимость. Во Вьетнаме изучали историю Великой Французской революции. «В школы на просторах всей Британской империи проникли “Великая хартия вольностей”, “Прародительница парламентов” и “Славная Революция”, толкуемые как английская национальная история. Борьба Бельгии за независимость от Голландии не могла пройти мимо школьных учебников, которые в один прекрасный день прочли конголезские дети. Так же обстояло дело с историей США на Филиппинах и, наконец, с португальской историей в Мозамбике и Анголе» [1, с. 136]. Естественно, что данные историографические сюжеты стали одним из значимых компонентов национально-освободительных идеологий в колониальных странах.

Также Б. Андерсон прослеживает тесную связь между языковой политикой, проводимой метрополиями в колониях, и возможностью обращения к источникам информации об историческом прошлом. Во французской колонии Кохинхине (Вьетнаме) французская администрация в 60-е годы XIX в. внедряла вместо иероглифического «романизированное фонетическое письмо». Новая система письма должна была разрушить связи «с коренным прошлым, сделав недоступными для нового поколения колонизированных вьетнамцев династические хроники и древнюю литературу» [Там же, с. 143]. Данная мера как бы отрывала вьетнамцев-служащих колониальной администрации от исторических корней, от пласта национальной истории и делала послушными проводниками политики метрополии.

Давая сущностную характеристику национализма, Андерсон подчеркивает, что «национализм мыслит категориями исторических судеб» [Там же, с. 166].

Связь с историческим прошлым конструирует символическое пространство национализма. Это отчетливо видно на примере столиц государств, которые приводит Б. Андерсон: столица СССР была размещена в древней столице России – Москве; «столицей КНР стала бывшая столица Маньчжурской династии... и вожди КПК заседают в Запретном городе, где раньше правили Сыны Неба» [Там же, с. 175].

Руководители государства, даже пришедшие к власти в результате революции, стараются найти опору в прошлом для проводимой ими политики. Андерсон указывает на избрание И. Сталиным в качестве исторического прототипа для себя Ивана Грозного, а Мао Цзедуну – Цинь Ши-хуанди [Там же, с. 176]. Автор энциклопедического исследования о воображаемых сообществах отмечает тенденцию: чем дальше революционное государство уходит от революции (захвата власти) в сферу государственного строительства – тем сильнее действуют закономерности конструирования национализма, а следовательно, использования в этих целях исторического прошлого и его символических воплощений.

Образ дворцового комплекса Ангкор короля Джаявармана VII был изображен и «на флаге марксистской демократической Кампучии», и на флаге «монархической Камбоджи Сианука», и изображение Ангкора здесь – не символ преклонения перед прошлым, а символ власти [Там же]. Причем именно элиты, унаследовавшие «пулты управления», изобретают либо перенимают исторические символы прошлого и тиражируют их для широких масс при помощи механизма «печатного капитализма» (термин Б. Андерсона).

Музей, наряду с переписью и картой, по мнению Б. Андерсона, является одним из инструментов создания национализма. «Ведь музеи и музейное воображение в глубине своей политичны» [Там же, с. 194]. Андерсон на примере азиатских колоний указывает на те политические факторы, которые заставляли государства-метрополии активно заниматься археологическими раскопками, а затем сохранять, изучать и систематизировать в музеях (т.е. музеизировать) свидетельства древней истории своих колоний. «Колониальные археологические службы стали влиятельными и престижными институтами; на работу в них привлекали исключительно талантливых ученых-чиновников» [Там же, с. 195].

Музеизация обосновывала необходимость колониального правления. «Официальная идеологическая программа реконструкций всегда выстраивала строителей памятников и колониальных туземцев в некоторого рода иерархию», транслируя идеи, что либо создатели сооружений и нынешние жители страны-колонии принадлежат к разным расам, либо создавая «образ векового упадка, из-за которого нынешнее коренное население уже неспособно к великим деяниям своих предполагаемых предков» [Там же, с. 196]. Тем самым обосновывалась мысль, что коренное население колоний не способно к самоуправлению.

Реконструкция памятников древности колониальных стран позволяла метрополиям предстать в роли защитника местной Традиции. «Старые священные места» становились частью символического пространства колониальной империи, а их престиж восстанавливался. Памятники прошлого страны-колонии были мобилизованы на службу престижу метрополии [Там же, с. 197]. «Печатный капитализм» и развитие фотографии в XIX в. позволили создавать «художественную перепись государственного наследия» для употребления в среде образованного класса.

Государства, обретшие независимость, позаимствовали механизм «политической музеизации» у своих предшественников-метрополий. Так, на праздновании годовщины независимости Камбоджи была выставлена копия ангорского храма, а логотипизированное изображение Ангкора было помещено на государственный флаг и оставалось на нем вне зависимости от того, какой политический режим находился у власти [Там же, с. 197-198]. Изображения памятников прошлого становятся знаками национальной идентичности.

Особую роль в мобилизации исторического прошлого для построения нации играет система образования, «огромная педагогическая индустрия», которая посредством «систематических историографических кампаний» в учебниках истории объясняет молодым гражданам страны, что нужно помнить и о чем забыть [Там же, с. 215-216]. Исторические сюжеты подаются как бы выборочно, когда высвечивается то, что служит для укрепления национального самосознания, и уходит в тень то, что для него вредно. «Помнить» и «забывать», таким образом, оказываются прочно связанными друг с другом единой целью, а именно, как утверждает Б. Андерсон, конструированием нации.

Нации не имеют Творца, поэтому их биография не может быть написана способом, аналогичным тому, что был использован в Библии – через череду рождений, от прошлого – к настоящему. Единственная альтернатива для написания биографии нации – структурировать ее по принципу «от настоящего – к прошлому» [Там же, с. 220-221], посредством исторической науки. Настоящее, по версии Андерсона, становится создателем привычного для широких масс образа прошлого.

Исследователь национальных движений Мирослав Хрох одним из определяющих признаков нации считает «память» об общем прошлом, понимаемом как «“судьба” группы или хотя бы ее ключевых элементов» [19, с. 122]. В качестве ресурсов процесса нациестроительства М. Хрох рассматривает, во-первых, сохранение некоторых «отпечатков прежней политической автономии» [Там же, с. 128], т.е. политико-юридические рудименты, свидетельствующие о наличии более высокого политического статуса данной этногруппы в прошлом, дающие ей исторические аргументы для политической борьбы с целью получения национальной независимости или автономии; во-вторых, «“память” о бывшей независимости или государственности, даже относящихся к очень далекому прошлому», которая, являясь, таким образом, идеологически ресурсом, может «играть важную роль в стимулировании национально-исторического самосознания и этнической сплоченности» [Там же].

По мнению Хроха, «национальный организм», требующий «собственного отдельного пространства», в качестве одного из критериев определения такового пространства использует понятие «исторической территории с ее традиционными границами», в которые зачастую могут быть «заключены и другие этнические группы со статусом меньшинства» [Там же, с. 137]. Историческая аргументация, как видно из приведенного Хрохом тезиса, активно используется в спорах о государственных границах, которые, по мнению некоторых политиков, должны совпадать с этническими.

Э. Д. Смит, анализируя влияние профессиональной деятельности историков на становление национализма, подчеркивает, что национализм представляет собой явление «историческое», так как «историки играют выдающуюся роль среди его создателей и приверженцев» [14, с. 236]. Историки своими сочинениями «заложили моральный и интеллектуальный фундамент для зарождающегося национализма в своих странах. Историки, наряду с филологами, самыми разными способами подготавливали рациональные основания и хартии наций своей мечты» [Там же].

Рассматривая различные трактовки нации, Смит, раскрывая «измышленное» представление о нации, пишет о роли мифов о прошлом в создании нации: «Прошлое, на которое уповают националисты, — только миф: оно существует лишь в сознании националистов и их последователей, даже если оно не было цинично сфабриковано для современных политических целей» [Там же, с. 238].

Рассматривая влияние интерпретаций истории на процесс формирования нации, Э. Смит не отрицает, что в политической практике действительно зачастую используется и искажение истории, и «конструирование

прошлого», и «изобретение традиций». Но основная мысль Смита заключается в том, что попытки использования истории в политических целях в значительной степени ограничены большим числом социальных связей, которые укоренены в прошлом [15, с. 245]. В этом главное отличие теории Э. Смита от теорий этноконструктивистов.

По мнению Смита, существует несколько факторов, ограничивающих возможности политических элит в искажении истории для построения нации. Так, как уже ранее говорилось, первым из ограничивающих факторов являются интерпретации истории, уже созданные в прошлом. Другим ограничителем выступает само прошлое в виде традиций, культуры – социокультурный пласт нации, именуемый Смитом этничностью. Данное утверждение не отменяет того, что историческое прошлое является одним из компонентов и инструментов нациестроительства. Историческая версия происхождения данного сообщества («миф о возникновении»), исторический опыт, коллективная память представляют собой неотъемлемые компоненты национальной идентичности. Следует отметить, что «миф о возникновении» отличается от исторического опыта тем, что является продуктом фольклора, тогда как исторический опыт основан на реальных событиях. Но все перечисленные компоненты интегрированы в культуру, язык, религию [25, р. 22-30].

Этническое сообщество, исходя из теории Э. Д. Смита, является социокультурной основой современных национальных государств, определяя связь между настоящим и прошлым. Нация как единое целое не может состояться без наличия интегрирующего этнического ядра, включающего «миф о возникновении» и историческую память [16, с. 69].

Смит утверждает также, что политико-национальные сообщества, утеравшие свою государственность, но сохранившие этническое наследие, а также социальные, культурные, политические институты, это наследие воспроизводящие, рано или поздно восстанавливали свою государственность [15, с. 244].

Такие духовные феномены, подчеркивает Э. Смит, как «миф», «символ», «память» и «ценности» создают саму возможность существования этноса, а затем и нации: «Суть этничности... зиждется на квартете “мифы, память, ценности и символы”» [25, р. 54]. Этническое ядро нации определяется Смитом через понятие мифосимволического комплекса. «Особое внимание обращено на так называемый “мифосимволический комплекс” и особенно на “мифомотор” или основополагающий миф этнической общности; оба они показывают жизненную роль мифов и символов, заключающих в себе комплекс верований и чувств, которые хранители этничности сохраняют, распространяют и передают следующим поколениям» [Ibidem, р. 87]. Три формы этнической мифологии – мифы, память, символы и продукт этнической психологии – ценности – объединены Э. Смитом через понятие мифосимволического комплекса, который позволяет этносам сохраняться в течение длительного в историческом плане промежутка времени и трансформироваться в нацию при наличии соответствующих политических, социальных, экономических условий.

Основное отличие теории Э. Смита от теорий большинства этноконструктивистов заключается в том, что Смит отрицает модерновый характер нации и связывает ее с этническим ядром, существовавшим в течение длительного домодернового периода. Но и Смит, и конструктивисты признают ключевую роль истории, исторической памяти, символов прошлого в становлении нации как политической данности.

Крэйг Калхун в работе «Национализм» приводит десять признаков нации, два из которых напрямую связаны с историческим прошлым, а именно: во-первых, «глубина во времени – представление о том, что нация как таковая существует во времени, включая прошлые и будущие поколения, и обладает историей»; во-вторых, «особая историческая или даже сакральная связь с определенной территорией» [10, с. 31]. Как следует из этих рассуждений, нация, по мнению К. Калхуна, не может состояться без апеллирования к прошлому, истории и памяти.

Отношения между национализмом и историей Калхун характеризует как «непростые». С одной стороны, в процессе создания нация нуждается в «исторических описаниях». Более того, современная историческая наука «сформирована традицией создания национальных историй», цель которых – формирование коллективных национальных идентичностей. С другой стороны, националисты искажают историю в угоду своим интересам [Там же, с. 113].

Создание националистических историй и есть, по сути, конструирование нации. Причем для националистической историографии характерно достаточно вольное обращение с историческими фактами, а также «открыто воинственные или этноцентричные позиции» [Там же]. Сознательное удревнение истории нации характерно как для западных, так и для восточных государств.

Написание истории, как считает Калхун, нужно не только для сохранения «памяти о каждом», но и для «стирания тех разногласий, которые способны ослабить нацию» [Там же, с. 114-115], тем самым выявляя интегрирующую функцию истории. Именно при национализме история приобретает «новую телеологию», рождая представления о национальной судьбе [Там же, с. 125].

Немалое внимание в националистических версиях истории уделяется этническим истокам нации. К. Калхун, выделяя общую черту национализма в разных странах, подчеркивает, что «...риторика национализма придает большое значение заявлениям о национальном (или по крайней мере протонациональном) прошлом...» [Там же, с. 126]. Несмотря на важность историописания в националистическом контексте, Калхун считает, что национальная история не может служить прочным основанием для рассуждений о легитимности и суверенитете.

Анализируя отношение различных типов национализма к историко-культурному наследию, Калхун говорит о том, что в одних странах националисты строят нацию, вытесняя досовременные формы общественной организации и создавая современную нацию как политический проект; в других – нация как политический

проект создается на основе и с активным включением древней этничности. В качестве эталонных примеров первого и второго типов национализма приводятся соответственно Франция и Германия. В обоих случаях в ходе конструирования нации создавались националистические мифы и для их поддержки были мобилизованы исторические нарративы. Но французский исторический нарратив определяет нацию как современный проект, подчеркивая роль республики и постулируя идею гражданства. В Германии же националистическая историография направлена вглубь веков, находя там доказательства древности германской этничности [20, p. 61].

Роджерс Брубейкер, рассуждая о мифах и заблуждениях в изучении национализма и анализируя проявления национализма в государствах Центральной и Восточной Европы, приводит свою типологию данного явления. Вопрос о территории и границах является одним из наиболее острых в контексте национализма. Первой из рассматриваемых Брубейкером форм национализма является национализм, который считает государство «собственностью» титульной нации или общности, определяемой в этнокультурных терминах. Противоречие заключается в том, что «коренная» нация представляется в худших, по сравнению с «некоренными», экономических, демографических, культурных условиях. Национализм такого рода требует от государственной власти установления «справедливости» [5]. Для доказательства того, что данная этнокультурная группа является «коренной», активно используется историческая аргументация, подтверждающая древность проживания на данной территории, ведущую роль в создании государства.

Второй формой национализма, по классификации Брубейкера, является пересекающий границы национализм «внешней исторической родины» (external national homeland) [Там же]. При помощи концепта «исторической родины», лежащей за пределами границ, обосновывается право и даже обязанность государства отстаивать интересы этнонациональных «соотечественников». Таким образом, второй, экстерриториальный тип национализма находится в конфронтации с первым.

Третья форма национализма – национализм национальных меньшинств [Там же], который также может использовать историческую аргументацию для отстаивания своих территориальных, культурных, языковых, образовательных, экономических, политических прав, для того, чтобы подтвердить свою «особость». В качестве аргументов также могут приводиться длительность проживания на территории государства, отношения с «титульным» этносом, героизм при участии в войнах, роль представителей данного этноса в истории экономики и культуры.

Четвертой формой является национализм «защитного, протекционистского, национально-популистского» [Там же, с. 16] характера. Этот тип национализма стремится защитить национальную экономику, язык, нравы или культурное наследие от предполагаемой угрозы извне. Помимо прочих характеристик, этот тип национализма склонен к идеализации аграрного прошлого. Идеологические конструкции, порождаемые данным типом национализма, могут использоваться как правящими кругами для собственной легитимизации, так и оппозицией для мобилизации масс [5]. Использование исторического прошлого, в качестве сравнений «сейчас» и «раньше», что в прошлом было лучше, чем сегодня, практикуется весьма активно.

Изучая национальные отношения на территории бывшей Югославии и бывшего СССР, Р. Брубейкер считает причиной конфликтов в период ослабления и распада этих федеративных многонациональных государств неизжитые исторические травмы, замалчивание трагических страниц истории [6]. В Германии же процесс преодоления нацистского прошлого был одной из государственных задач, получил название «овладение прошлым» и стал одним из оснований гражданского мира в ФРГ. Открытое обсуждение острых вопросов истории лишает эти темы «взрывного потенциала». В Югославии и в СССР определенные темы подверглись «табуизации». В Югославии это была тема «братоубийственного насилия в годы Второй мировой войны» [Там же, с. 32]. Табуизация исключила возможность «овладения прошлым» так, как это произошло в Германии. «Просто не было возможности публично обсуждать массовые убийства времен войны» [Там же, с. 33]. В момент ослабления цензурирующих возможностей государственного аппарата конфликты, имевшие неизжитые исторические основания, перешли в открытую стадию.

Ханс Кон относит «переживание общей истории» к факторам, формирующим «национальный характер» [11, с. 74]. Каждый национализм, по его мнению, ищет «обоснования и подтверждения своей уникальности в собственном прошлом, в простоте и древности собственных традиций» [Там же, с. 75].

Одна из черт современного национализма – «упор на общую память о прошлом» – по предположению Х. Кона, берет начало от древних евреев [24, p. 6].

И. Валлерстайн, раскрывая значение терминов «раса», «нация», «народ», «этническая группа», пишет о роли «сознания прошлого» в процессе наполнения конкретным содержанием этих понятий. Валлерстайн приходит к выводу, что для определения этих понятий необходимо обращение к прошлому. Объясняя необходимость апелляции к прошлому при конструировании этнических категорий, ученый раскрывает социально-политические функции и свойства сознания прошлого.

«Сознание прошлого» выступает в качестве категории политической этики, обуславливает поступки людей [7, с. 92], оно представляет собой центральный элемент поддержания внутригрупповой идентичности, «утверждения и смены социальных форм». «Сознание прошлого», таким образом, представляет собой моральный феномен, а следовательно, как заявляет Валлерстайн, «феномен политический и всегда – феномен настоящего» [Там же, с. 93].

Это свойство «сознания прошлого» обуславливает его неустойчивую природу. Мир меняется, а вместе с ним меняется и все, что определяет реальную политику. «Следовательно, постоянно изменяется и содержание нашего сознания прошлого» [Там же]. И если реальное прошлое (т.е. сами события) «выбито на камне», то «социальное прошлое», то есть наш способ восприятия реального прошлого, «записано на влажной глине».

Все эти политические свойства «сознания прошлого» используются при конструировании социально-этнической общности, именуемой «народом».

Влияние исторических построений на генезис украинской нации детально рассмотрено Дж. Армстронгом [3]. Историк Михаил Грушевский, автор работы «История Украины», назван «отцом украинского национализма» [Там же, с. 7].

Усилия интеллектуалов, направленные на «стимуляцию исторического сознания жителей Украины», оперируют несколькими ключевыми сюжетами. Первый из них – стремление доказать, что «этническими и духовными предками» украинцев были жители Киевской Руси и «опровергнуть, что русские произошли из средневекового киевского государства» [Там же]. Другой ключевой исторический сюжет – история запорожского казачества. Его борьба с Польшей и Россией рассматривается как доказательство попыток создания независимого украинского государства [Там же]. Особое значение в этом политическом контексте приобретает фигура Богдана Хмельницкого, сражавшегося против Польши, а затем ставшего вассалом Москвы. Включение Украины в состав российского государства считается навязанным. Этот исторический сюжет является смысловым ядром основополагающего национального мифа [Там же, с. 7-8].

Итак, с полной уверенностью можно говорить о том, что интерпретация исторического прошлого является одним из определяющих ресурсов нациестроительства. Этот тезис находит подтверждение во всех работах, проанализированных выше. Вместе с тем, каждая из теорий имеет специфические черты.

У Э. Ренана мы встречаем указание на то, что наряду с памятью необходимо забвение тех фактов прошлого, которые могут помешать духовному единству нации.

Наиболее рельефно идея о роли истории в процессе становления нации прослеживается у этноконструктивистов – ученых, считающих нацию искусственным образованием, продуктом деятельности политических элит и интеллектуалов. По утверждению Э. Геллнера, нация как социальное образование есть продукт национализма как идеологической доктрины, а национализм базируется на знаковых системах прошлого, традициях и элементах культуры. «Традиция» является знаковым понятием и в работах Э. Хобсбаума, но традиция изобретенная, созданная элитами для формирования национального самосознания. Для Б. Андерсона главную роль играет героизированное прошлое как фундамент для национальных чувств. Героизация прошлого осуществляется через памятники, мемориалы, музеи, а трансляция – через систему образования.

Э. Д. Смит, отрицая положение о том, что нация всемерно является продуктом Нового времени и модерна, тем не менее, также признает в качестве важных признаков нации миф о происхождении и общую историческую память. Сохраняться этносам в течение длительного времени, по мнению Э. Смита, позволяет наличие общего исторического прошлого, закрепленного в форме мифосимволического комплекса.

Национальные истории, по мнению К. Калхуна, формируют национальную идентичность. История в соответствующей трактовке интегрирует нацию, рождая представление об общей исторической судьбе. М. Хрох обращает внимание на использование исторической аргументации в ходе национально-освободительной борьбы. Сходный тезис встречается в работах Р. Брубейкера, также обращающего внимание на использование исторических аргументов для достижения политически значимых для этноса целей. Неизжитые исторические травмы Брубейкер считает причиной национальных конфликтов. Этническое прошлое, как утверждает И. Валлерстайн, наполняет смыслом такие категории как «нация», «народ», «этническая группа».

Итак, общим для всех рассмотренных ранее теорий является признание интерпретаций исторического прошлого в качестве источника и инструмента формирования нации и национального самосознания. Отличаются теории представлениями о структуре и сущности исторического прошлого, методах, формах, технологиях и институциональных агентах интерпретации истории в политических целях.

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. 288 с.
2. Андерсон Б. Копия, аура и поздненационалистическое воображение // Логос. 2007. № 1 (58). С. 72-83.
3. Армстронг Д. Украинский национализм: факты и исследования / пер. с англ. П. Бехтина. М.: Центрполиграф, 2008. 368 с.
4. Бердяев Н. Философия неравенства: письма к недругам по социальной философии // Бердяев Н. Собрание сочинений: в 8-ми т. Париж, 1990. Т. 4. С. 252-296.
5. Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма. Часть 1 // Ab imperio. 2000. № 1. С. 3-25.
6. Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма. Часть 2 // Ab imperio. 2000. № 2. С. 29-54.
7. Валлерстайн И. Конструирование народа: раса, нация, этническая группа // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности. М., 2004. С. 83-102.
8. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
9. Геллнер Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники. М.: Московская школа политических исследований, 2004. 240 с.
10. Калхун К. Национализм. М., 2006. 288 с.
11. Кон Х. Идея национализма // Ab imperio. 2001. № 3. С. 69-93.
12. Оруэлл Дж. Заметки о национализме // Оруэлл Дж. Лев и Единорог: эссе, статьи, рецензии. М., 2003. С. 211-228.
13. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений: в 12-ти т. / пер. с французского под ред. В. Н. Михайловского. Киев, 1902. Т. 6. С. 87-102.
14. Смит Э. Д. Национализм и историки // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 236-263.

15. Смит Э. Д. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий нации и национализма. М.: Праксис, 2004. 464 с.
16. Тимофеев И. Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции: монография. М.: МГИМО-Университет, 2008. 176 с.
17. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. 305 с.
18. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 332-346.
19. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 121-145.
20. Calhoun С. Nations Matter. Culture, History and the Cosmopolitan Dream. L. - N. Y., 2007. 238 p.
21. Gellner E. Nationalism. L., 1997. 152 p.
22. Hobsbawm E. In Defence of History // The Guardian. 2005. 15 January.
23. Hobsbawm E. Inventing Traditions // The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm, R. Terence. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 1-15.
24. Kohn H. Nationalism: Its Meaning and History. Princeton, NJ, 1955. 192 p.
25. Smith A. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Blackwell, 1986. 336 p.

HISTORY AS MEANS OF NATION CREATION: ANALYSIS OF ETHNO-CONSTRUCTIVIST THEORIES

Roman Eduardovich German, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Management and Administrative Law
Russian State Social University (Branch) in Stavropol'
romger@mail.ru

The author conducts the comparative analysis of ethnic constructivism theories in terms of historical past interpretations for nation creation, and pays special attention to the theoretical analysis of the political essence of historical past interpretations with the purpose of nation-construction, and the sacred-ideological essence of history as the necessary component of national state creation in the context of the epistemological paradigm of ethno-constructivism.

Key words and phrases: historical past; history interpretation for political purposes; ethno-constructivism; nation creation; historical memory; history as component of national self-consciousness.

УДК 101

В статье анализируются ценностно-культурные основания педагогической антропологии, на базе которых осуществляется процесс становления личности в культуре. Определены антропологические закономерности передачи культурных ценностей, способствующих формированию «Я-концепции» субъекта образовательного процесса. Представлена авторская формулировка основополагающих принципов взаимодействия человека и культуры в контексте педагогической антропологии, указывающих на многофакторный подход к процессу развития личности.

Ключевые слова и фразы: человек; культура; образование; личность; философия; педагогическая антропология.

Ирина Александровна Грешилова, к. филос. н.
Забайкальский краевой институт повышения квалификации и
профессиональной переподготовки работников образования
IAGreshilova@yandex.ru

ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ®

Многообразие и динамизм изменений XXI века не имеют precedентов в истории. Сложно назвать сферу жизни современного человека, которая бы не подвергалась глобальным изменениям. Осознание процессов, происходящих в быстро меняющемся мире, вызывает необходимость философского осмысления событий и явлений в контексте антропологического подхода, что предполагает обращение к таким понятиям, как «человек» и «культура».

Человек и культура находятся в постоянном противоречивом взаимодействии, несмотря на то, что все процессы, связанные с культурой, проистекают и замыкаются на единственном источнике – человеке. Проблема формирования у человека устойчивых ценностей, поиск оптимальных путей овладения знаками культуры связаны с тем, что современные тенденции развития культуры характеризуются некоторой размытостью контуров границ культурного и антикультурного, и это нельзя не учитывать при рассмотрении процесса становления личности человека.

Абсолютно справедливы в этом отношении слова В. М. Розина: «Смысл и энергию человек может почерпнуть, с одной стороны, в правильном понимании времени (культуры), его проблем, путей их разрешения,